
И.Е. Суриков

«В КРУГЕ ПЕРВОМ»: ПОЯВЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ
ПАМЯТНИКОВ ЕВРОПЕЙСКОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ
(ГРЕЦИЯ VI–V вв. до н.э.)

Для исторического сознания древних греков был характерен циклизм — представление о движении истории «по кругу», о «вечном возвращении». Разумеется, данное суждение не имеет абсолютного характера: с циклистским пониманием развития общества сочеталось и переплеталось линейное, выражавшееся в прогрессистских или (чаще) регрессистских концепциях. Собственно, историописание как таковое возникает в Элладе где-то на стыке циклистских и линейных воззрений.

Речь в статье идет об архаической ионийской историографической традиции, к которой следует отнести группу историков, которых в исследовательской литературе обычно называют «логографами», а также Геродота. Кстати, от обыкновения называть древнейших (догеродотовских) эллинских историков «логографами» пора отказаться ввиду неадекватности и беспочвенности этого обозначения.

Геродот и его предшественники принадлежат еще к «дориторической» историографии. А вот на того древнегреческого историка, который шел непосредственно за ним, — на Фукидида риторика, напротив, оказала уже колоссальное влияние.

Уже на самой заре древнегреческой историографии мы встречаем многообразие жанров и стилей. Перед нами — и достаточно сухие перечни (как правило, генеалогического характера), и рано возникающие развернутые нарративы (уже начиная с Гекатея), в том числе с экскурсами вполне новеллистического характера. Но все эти тексты несут явный отпечаток исследования, изыска.

История впервые у греков становится предметом осмысленной рефлексии. Историописание и возникает у них сразу как наука, как исследование, а не как тривиальное описание событий. И, безусловно, по той же самой причине эллинская историография, едва родившись, практически сразу достигает колоссальных высот. Само же развитие рефлексии у греков, о котором идет речь и которое обусловило возникновение исторической мысли (а также философской, научной, эстетической и т.д.), обусловливалось, в свою очередь, в числе прочих факторов, и политическим

развитием, появлением феномена полиса. Древнегреческие полисы — при своих небольших размерах — были политическими единицами по меркам Древнего мира беспрецедентно развитыми и сложными.

Ключевые слова: историописание, античность, архаическая и раннеклассическая Греция, полис, «логографы», Геродот, Фукидид

Как известно, для исторического сознания древних греков был характерен циклизм — представление о движении истории «по кругу», о пресловутом «вечном возвращении». Разумеется, данное суждение не имеет абсолютного характера: с циклистским пониманием развития общества сочеталось и переплеталось линейное, выражавшееся в прогрессистских или (чаще) регрессистских концепциях¹. В самой упрощенной форме можно сказать, что в целом история понималась как чередование циклов, но в рамках каждого цикла время для греков имело линейную направленность (чаще регрессивную, чем прогрессивную).

Собственно, историописание как таковое возникает в Элладе где-то на стыке циклистских и линейных воззрений². Циклизм чрезвычайно четко проявляется, например, у Полибия³. Его великие предшественники — Геродот и Фукидид — не высказывают аналогичных воззрений эксплицитно, тем не менее и у них эти воззрения присутствуют, что можно видеть из косвенных данных. Собственно, каков стимул, двигавший этими авторами при создании исторических трудов, почему считалось важным и необходимым сохранить в памяти потомков информацию о давно прошедших делах, иными словами, почему история воспринималась как *magistra vitae*? Именно потому, что в будущем события могли повториться; тогда-то и пригодилось бы сохраненное знание. Фукидид горделиво называет свое сочинение «достоянием навеки» (κτῆμα ἐς αἰεὶ), и делает это по той причине, что уверен: оно окажется полезным тому, «кто за-

¹ Подробнее, с аргументацией см.: Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 36 и сл., 458 и сл.

² Циклизм, вопреки распространенному мнению, отнюдь не исключает подлинного историзма. Это справедливо подмечается в работе: Строецкий В.М. Проблемы становления истории как науки в античности // Античный мир и археология. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 351–362.

³ Ροῦβ. VI. 9. 10: «Таков круговорот государственного общежития, таков порядок природы, согласно коему формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются».

хочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-либо повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде)» (Thuc. I. 22. 4).

В сущности, любой автор, признающий дидактическую или вообще утилитарную цель изучения истории, должен иметь в своих исходных воззрениях какую-то толику циклизма. Ибо, если исторический процесс имеет чисто линейный характер, то никакое повторение ситуаций в будущем невозможно, а, стало быть, прошлый опыт не способен иметь никакого значения. С другой стороны, чистый, последовательно проведенный циклизм, как ни парадоксально, приводит к тем же выводам. Это лучше всего видно на примере стоиков. Их учение, стопроцентно циклистское, предполагало многократное — как в прошлом, так и в будущем — полное повторение истории вплоть до мельчайших деталей. Размеренный распорядок этого predeterminedного судьбой мирового круговорота человек изменить ни в чем не властен, несмотря на все свои усилия; остается ему подчиняться — *ducunt volentem fata, nolentem trahunt*. В подобных условиях применение прошлого опыта к будущему тоже оказывается бесполезным.

Что интересно, здесь мы наталкиваемся на один из многочисленных парадоксов исторической культуры античных греков. Само развитие историописания осуществлялось как бы по тому же пути циклизма. Каждый новый представитель этого жанра начинал, можно сказать, с нуля. Он не продолжал дело своих предшественников, а безапелляционно критиковал и даже попросту отрицал их достижения. Гекатей в высшей степени пренебрежительно отзывался о своих предшественниках — мифографах, а Геродот — о самом Гекатее и других так называемых «логографах» (о них подробнее см. ниже). Фукидид (I. 21. 1), в свою очередь, критикует Геродота, при этом, между прочим, не упоминая даже его имени, как будто бы «отца истории» вообще не было. В свою очередь, для Полибия как бы не существует ни Геродота, ни Фукидида⁴. Если же этот эллинистический историк и останавливается поподробнее на творчестве кого-либо из своих более ранних коллег (Феопомпа, Тимея), то лишь для того, чтобы подвергнуть их самым жестоким (и часто несправедливым) нападкам⁵. В результате подобного под-

⁴ И тот и другой упомянуты у Полибия по одному разу, причем мимоходом и без какой-либо оценки (Polyb. VIII. 13. 3; XII. 2. 1).

⁵ О критике Полибием Тимея и других предшественников см.: *Илюшечкин В.Н.* Эллинистические историки // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 280 и сл.

хода уровень исторической культуры с течением веков, в общем-то, не рос, а в лучшем случае оставался неизменным, нередко даже деградировал. Осмелимся утверждать, что уровня, заданного Геродотом и Фукидидом, не достиг никто из их последователей; иными словами, лучшие образцы древнегреческого историописания были созданы почти в самом начале его существования. Историография оказалась подвержена общему «закону круговращения»; как в калейдоскопе, сменяли друг друга более или менее причудливые наборы одних и тех же базовых элементов.

Фигура круга как бы зачаровывала эллинов, решительно воспринималась ими как особенно близкая к совершенству (а совершенство круга, как и любого другого предмета, виделось прежде всего в завершенности; не случайно греческий термин *τέλος* соединял в себе оба этих значения). Прибегнем и мы к этой метафоре круга, описывая самый первый «цикл» развития древнегреческой (а, стало быть, и европейской в целом) исторической науки. Речь идет об архаической ионийской историографической традиции, к которой следует отнести группу историков, которых в исследовательской литературе обычно называют «логографами», а также Геродота⁶. Мы рассмотрим ряд проблем, связанных с творчеством этих авторов, а затем на основе приведенного конкретного материала попытаемся дать ответ (применительно к античной Греции) на некоторые вопросы более общего характера.

* * *

Прежде всего нам хотелось бы акцентировать свое ответственное мнение, что традиция, о которой идет речь, представляет собой именно цикл, т.е. завершенный, замкнутый этап. У истоков его стоит фигура великого Гекатея⁷, а завершается он не менее великим

⁶ О принадлежности Геродота именно к этой архаической традиции (хотя хронологически его жизнь и деятельность приходятся уже на эпоху классики, и по этому формальному признаку его чаще относят к классической историографии) см.: Суриков И.Е. Очерки об историописании. С. 396 и сл.

⁷ О Гекатее, разумеется, написано немало. См., например: *Heidel W.A.* Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II. N.Y.; L., 1987; *West S.* Herodotus' Portrait of Hecataeus // *Journal of Hellenic Studies*. 1991. Vol. 111. P. 144–160; *Lendle O.* Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt, 1992. S. 10 ff.; *Armayer O.K.* Herodotus, Hecataeus and The Persian Wars // *The World of Herodotus*. Nicosia, 2004. P. 321–335; *Braun T.* Hecataeus' Knowledge of the Western Mediterranean // *Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies*

Геродотом⁸. Да, Геродот — именно завершитель, а не зачинатель, несмотря на то, что его часто называют «отцом истории». Впрочем, последнее связано только с тем, что Геродот — первый историк, чей труд дошел до нас полностью. Если бы сочинения того же Гекатея сохранились целиком, а не фрагментарно, то отнюдь не исключено, что этот «почетный титул» достался бы именно ему.

Читатель может заметить, что мы здесь сближаем Геродота с так называемыми «логографами», хотя значительно чаще в литературе их противопоставляют, и так было уже в античности (например: Dion. Hal. De Thuc. 5). На самом деле оба подхода имеют право на существование, как будет видно из дальнейших наблюдений, но для нас сейчас важны именно черты сходства.

Но предварительно остановимся на вопросе о том, насколько правомерен сам термин «логографы» применительно к группе самых ранних греческих историков, предшественников и современников Геродота. Хотя этот термин постоянно употребляется исследователями отношению к ним⁹, но, всё же, как правило, с более или

in Honour of B. Shefton. Leiden; Boston, 2004. P. 287–347; Bertelli L. Hecataeus: From Genealogy to Historiography // The Historian's Craft in the Age of Herodotus. Oxford, 2007. P. 67–94. Естественно, что при таком большом количестве исследователей, занимавшихся Гекатеем, не существует единого мнения по вопросу о достоинствах его трудов. Оценка этих достоинств колеблется от исключительно высокой (У. Хейдель) до довольно скептической (С. Уэст).

⁸ Литература о Геродоте, разумеется, колоссальна, необозрима (вряд ли кто в мире может похвастаться, что знает ее совершенно исчерпывающим образом). Мы поэтому ограничимся указанием на некоторые монографические исследования, вышедшие уже в нынешнем столетии: Bichler R., Rollinger R. Herodot. Hildesheim, 2000; Thomas R. Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Cambridge, 2000; Munson R.V. Telling Wonders: Ethnographic and Political Discourse in the Work of Herodotus. Ann Arbor, 2001; Bichler R. Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte. 2. Aufl. В., 2001; Mikalson J.D. Herodotus and Religion in the Persian Wars. Chapel Hill; L., 2003; Scott L. Historical Commentary on Herodotus Book 6. Leiden; Boston, 2005; Asheri D., Lloyd A., Corcella A. A Commentary on Herodotus Books I–IV. Oxford, 2007; Bakker M. de. Speech and Authority in Herodotus' Histories: Diss. Amsterdam, 2007; Baragwanath E. Motivation and Narrative in Herodotus. Oxford, 2008.

⁹ Особенно в отечественном антиковедении. Последний по времени пример: *Спрогезцкий В.М.* Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Н. Новгород, 2010. Ч. 1: Геродот. С. 91 и сл. Из более ранних работ, в которых наблюдаем подобное же словоупотребление, см., например: *Фролов Э.Д.* Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 93 и сл.; *Кузнецова Т.И., Миллер Т.А.* Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий. М., 1984. С. 37.

менее серьезными оговорками¹⁰. И не случайно, поскольку, как мы показываем в другом месте¹¹, в античности термин *λογογράφος*, вопреки распространенному мнению, не означал: «ранний историк». Дионисий Галикарнасский, посвящаящий догеродотовским представителям историописания наиболее пространственный пассаж (ниже он будет процитирован), нигде не называет их логографами. Нередко считают, что Фукидид (I. 21. 1), упоминая неких *λογογράφοι*, имеет в виду именно догеродотовских историков, но в действительности анализ содержания данного места показывает, что в нем ведется полемика не с кем иным, как с самим Геродотом (а вовсе не с Гекатеем или Геллаником).

Логографами же греки называли либо (если лексема употреблялась в широком смысле) писателей-прозаиков, в противоположность поэтам, либо (если она употреблялась в узком смысле) конкретный тип писателей, а именно — тех, кто составлял судебные речи для клиентов за деньги. Ввиду отсутствия института адвокатуры как такового в древнегреческом судебном процессе ремесло логографа (в последнем его значении), что называется, «пришлось ко двору» в классических Афинах. Но возникло оно лишь ближе к концу V в. до н.э.; известен его основатель — философ и ритор Антифон¹².

Одним словом, всё говорит за то, что от обыкновения называть древнейших эллинских историков «логографами»¹³ пора бы отказываться ввиду неадекватности и, в общем-то, беспочвенности этого обозначения. Однако не думаем, что это когда-либо произойдет. Во-первых, бремя традиции чаще всего одерживает верх над доводами разума. Во-вторых, отбрасывая общепринятый термин для

¹⁰ Например: *Lendle O. Einführung*. S. 10; *Corcella A. The New Genre and its Boundaries: Poets and Logographers // Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 2006. P. 33–56.

¹¹ *Суриков И.Е. ЛОГОГРАΦΟΙ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. № 2. С. 25–37.*

¹² См. о нем прежде всего: *Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin, 2002 (фундаментальное исследование, охватывающее практически все аспекты деятельности Антифона, в том числе и как первого логографа).

¹³ Насколько удастся установить, это обыкновение пошло с немецкого ученого Ф. Крейцера, который в первой половине XIX в. выступил основоположником изучения древнегреческой историографии. Он выдвинул следующую схему зарождения исторической мысли в Греции: гомеровский эпос — киклические поэмы — «логографы» — Геродот. О Крейцере и значении его труда см.: *Momigliano A. Studies in Historiography*. N.Y., 1966. P. 75–90.

реально существовавшего явления, крайне желательно предложить альтернативный. А вот с этим возникают трудности. Ничего более удачного пока не было предложено и, возможно, в обозримом будущем не будет предложено. Ведь нельзя же на место четкого, краткого термина ставить какие-нибудь описательные обозначения, вроде «представители архаической ионийской историографической традиции», что по существу почти верно (если на мгновение забыть о Геродоте), но чрезмерно громоздко, или «первые греческие историки» (что не столь громоздко, но слишком расплывчато).

Мы обсуждали этот терминологический вопрос и с коллегами, но ни к чему лучшему, нежели как писать «так называемые “логографы”», так и не пришли. В любом случае, подчеркнем, что имеется в виду совершенно конкретная группа историков, которых Дионисий Галикарнасский (*De Thuc.* 5) характеризует так:

Древних историков много, и они были во многих местах до Пелопоннесской войны. К числу их относятся Эвгеон Самосский, Деиох Проконнеский, Эвдем Паросский, Демокл Фигелейский, Гекатей Милетский, Акусилай Аргосский, Харон Лампсакский, Мелесагор Халкедонский, а те, которые немного моложе, т.е. жили незадолго до Пелопоннесской войны и прожили до времени Фукидида, — это Гелланик Лесбосский, Дамаст Сигейский, Ксеномед Хиосский, Ксанф Лидийский и многие другие. В выборе темы они руководствовались почти одинаковой точкой зрения и способностями немного отличались друг от друга. Одни писали эллинские истории, другие — варварские, причем и эти истории они не соединяли одну с другою, но разделяли их по народам и городам и излагали одну отдельно от другой, преследуя одну и ту же цель — обнародовать во всеобщее сведение предания, сохранившиеся у местных жителей среди разных народов и городов, и письменные документы, хранившиеся как в храмах, так и в светских местах, — обнародовать эти памятники в том виде, в каком они их получили, ничего не прибавляя и не убавляя. Среди этого были и некоторые мифы, которым верили с древнего времени, и некоторые интересные, необычайные события, которые нашим современникам представляются невероятными. Способ выражения употребляли они по большей части одинаковый — все те, которые писали на одном и том же наречии: ясный, обычный, чистый, краткий, соответствующий описываемым событиям, не представляющий никакой художественности. Однако произведениям их присуща какая-то красота и прелесть, в одних в большей степени, в других в меньшей, благодаря которой их сочинения еще остаются до сего времени (*перевод С.И. Соболевского*).

При всех громадных достоинствах этого свидетельства¹⁴, никак нельзя признать его совершенно удовлетворительным. Во-первых, не все ранние историки фигурируют в списке Дионисия. К нему с полным основанием можно было бы присоединить еще, например, Ферекида Афинского¹⁵, Дионисия Милетского¹⁶ и, между прочим, Скилака Кариандского (последний был в первую очередь географом, но во времена, о которых идет речь, история и география еще строго не разграничивались; у Гекатея, Геродота и др. также содержатся обильные географические сведения).

Во-вторых, даже о тех, кто у Дионисия упомянут, сказано досадно мало. Впрочем, скорее всего, галикарнасский ритор и не мог сказать больше: сведения о большинстве первых греческих историков уже в античности были крайне скудными. Не случайно даже имена некоторых из них упоминаются в источниках в разных вариантах, и мы не знаем, какой из них правильный, а какой — искаженный. То ли Эвгеон, то ли Эвагон; то ли Мелесагор, то ли Амелесагор; то ли Ксеномед Хиосский, то ли Ксеномед Кеосский; то ли Деиох Проконнеский, то ли Деиох Кизикский... Нет уверенности и в том, что у Дионисия во всех случаях эти имена переданы вполне корректно. Впрочем, наиболее известных — Гекатея, Акусилая, Харона, Гелланика, Ксанфа — сомнения все-таки не касаются.

В-третьих, Дионисий Галикарнасский явно стремится противопоставить перечисленных им здесь историков Геродоту, о котором он начинает говорить непосредственно в далее следующих строках:

Но Геродот Галикарнасский, который родился незадолго перед Персидскими войнами и прожил до Пелопоннесской войны, расширил тему и сделал ее более блистательной. Он решил описать историю не одного города или единственного народа, но собрать вместе мнения о многих различных событиях, которые произошли в Европе и Азии, и объединить их в одной всеобъемлющей работе. Он описал историю, начиная с Лидийского царства и до Персидской войны, включив в одно повествование все важные события, которые прои-

¹⁴ О нем см.: *Toyl D.L.* Dionysius of Halicarnassus on the First Greek Historians // *American Journal of Philology*. 1995. Vol. 116, N 2. P. 279–302.

¹⁵ Ферекид — самый ранний афинский историк (*Jacoby F.* *Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung*. Leiden, 1956. S. 116 ff.), писавший во времена Кимона. Он был старшим современником Геродота и, как порой считается, оказал на него очень сильное влияние (*Ruschenbusch E.* *Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen* // *Klio*. 2002. Bd. 82. S. 335–343).

¹⁶ В связи с его трудом по персидской истории см.: *Balcer J.M.* *Herodotus & Bisitun*. Stuttgart, 1987. P. 25.

зошли в Греции и в варварском мире на протяжении 220 лет; более того он прибавил к своему стилю все достоинства, которыми пренебрегли прежние историки (*перевод В.М. Строецкого*).

Чтобы сделать ярче контраст между Геродотом и его предшественниками, Дионисию приходится идти на ряд натяжек и высказывать чрезмерно категоричные суждения. Так, в его суждении противопоставляется тематическая узость сочинений ранних историков тематической широте труда Геродота. Последняя — действительно налицо, а вот так ли уж узка была тематика у так называемых «логографов»?

Самый знаменитый из них — Гекатей — известен прежде всего благодаря двум своим произведениям. Главное из них называлось, скорее всего, «Генеалогии», и рассматривавшиеся в нем легендарные родословные героев относились отнюдь не к какому-нибудь одному полису или региону, а ко всему греческому миру и даже к странам за его пределами. Второе его произведение — «Описание земли» — имело в большей степени географический характер, но, опять-таки, описывалась вся известная на тот момент ойкумена.

Важнейшее сочинение Харона Лампсакского — «Летописи лампсакцев» («Ὅροι Λαμψακῆναι») ¹⁷. Из заголовка можно вроде бы сделать вывод, что эта была типичная городская хроника, не выходящая по содержанию за рамки родины автора, вклад которого к тому же минимален, как бывает в подобных случаях; фактически он — просто издатель. И однако же это первое впечатление будет ошибочным. Во-первых, точно известно, что Харон упоминал и события, не имевшие прямого отношения к Лампсаку (например: FGrHist. 262. F1, F6). Во-вторых, «Летописи», несомненно, были не сухим перечнем фактов; в них встречались яркие, запоминающиеся зарисовки (одна из таковых будет процитирована ниже). В-третьих, вообще говоря, ранней греческой историографии жанр хроники, как мы его понимаем, был чужд ¹⁸.

И в любом случае у Харона были ведь и другие исторические работы, такие как «Основания городов» (тут уже само назва-

¹⁷ Упоминаемый в «Суде» (s.v. Charon) труд «О Лампсаке», по всей вероятности, тождествен только что названному.

¹⁸ См. важные выкладки в итоговой (посмертно изданной) работе одного из крупнейших специалистов по античным историкам: *Momigliano A. The Classical Foundations of Modern Historiography*. Berkeley, 1990. P. 16: в Греции хроники сыграли весьма скромную роль (если вообще сыграли хоть какую-то) в становлении историографии; сочинения о целых народах и больших войнах предшествовали

ние, указывающее на греческую колонизацию, свидетельствует, что автором привлекался материал из разных регионов), а также «Персидские дела». Относительно последней следует дать чуть более подробный комментарий. Как в свое время совершенно справедливо и неоднократно подчеркивал Арнальдо Момильяно¹⁹, с VI в. до н.э. эллинская цивилизация в целом и греческое историческое описание в частности складывались и эволюционировали на периферии персидского культурного мира. Хотя в политическом плане греки боролись за свою независимость от Персии и отстаивали ее, но в плане культуры, ментальности ясно, что грандиозная держава Востока, на фоне которой греческие полисы выглядели просто ничтожными, выступала для них в качестве властно притягивающего центра, воплощенного в фигуре «Великого царя», ὁ μέγας βασιλεύς. В подобных условиях писать труд по персидской истории означало практически то же самое, что заниматься мировой историей.

Интересно в связи с этим, что сочинения, озаглавленные «Персидские дела», писались и рядом других историков, входящих в группу, которая нас сейчас интересует²⁰. Так, у Дионисия Милетского было произведение с тем же названием, которое имело подзаголовок «События после Дария». В перечне трудов Гелланика — одного из самых плодovitых представителей этой генерации — также встречаются «Персидские дела», а, кроме того, «Основания народов и городов» (ср. с вышеупомянутыми «Основаниями городов» Харона). Одним словом, мнение Дионисия Галикарнасского, согласно которому предшественники и современники Геродота свои «истории... не соединяли одну с другою, но разделяли их по народам и городам», оказывается, по меньшей мере, не вполне соответствующим действительности.

Аналогично получается и со стилем изложения. Если верить тому, что пишет Дионисий, можно подумать, что, в отличие от пышного,

локальной истории, а не наоборот. Как видим, ответственное суждение Момильяно в корне расходится с тем, что говорит Дионисий Галикарнасский. В связи с ориентированностью классической греческой историографии не на хронику, а на исследование см. также: Суриков И.Е. Очерки об историописании. С. 11 и сл.

¹⁹ Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977. P. 25–35; *Idem*. The Classical Foundations. P. 5–28.

²⁰ Balcer J.M. Herodotus. P. 24–25 (с указанием на возможное влияние этих трудов на Геродота).

местами напоминающего эпос повествования Геродота²¹, труды так называемых «логографов» были в стилистическом отношении абсолютно непритязательны. «Никакой художественности» — весьма суровый вердикт в устах такого утонченного стилиста и эстета, каким был ритор, филолог и историк Дионисий Галикарнасский.

Но опять-таки: вся ли правда перед нами? И следует ли слепо верить сказанному? Приведем взятый почти наугад фрагмент из Харона Лампсакского, достаточно типичного представителя когорты ранних греческих историков (FGrHist. 262. F1):

Бисалты²² пошли походом на Кардию и одержали победу. А вождем бисалтов был Нарис. Он ребенком был продан в Кардию и, находясь в рабстве у некоего кардийца, стал цирюльником. Кардийцам же было вещание, что придут на них бисалты, и они часто об этом говорили, сидя в цирюльне. А Нарис, убежавши из Кардии на родину, повел бисалтов на Кардию: они назначили его своим вождем. А все кардийцы научили своих коней плясать на пирушках под звуки флейт; и те, встав на задние ноги, а передними как бы жестикулируя, танцевали, наизусть зная мелодии. Нарис, знавший об этом, приобрел флейтистку из Кардии. Прибыв к бисалтам, она обучила многих, так что они тоже стали флейтистами. Их-то взяв с собой, Нарис и отправляется походом на Кардию. И, когда началась битва, он приказал играть на флейтах те мелодии, которые знали наизусть кони кардийцев. Когда кони услышали звуки флейт, они встали на задние ноги и принялись за пляску. А сила кардийцев заключалась как раз в коннице; так-то они и были побеждены (*перевод наш. — И.С.*).

Читая подобное, впору усомниться: да, право же, не Геродот ли перед нами? И действительно, этот незамысловатый, но очень живой и занимательный рассказ о военной хитрости удивительно напоминает некоторые пассажи «отца истории»²³. Причем он, раз-

²¹ Об эпических чертах в «Истории» Геродота см., например: *Кузнецова Т.И., Миллер Т.А.* Античная эпическая историография. С. 6–79; *Boedeker D.* Epic Heritage and Mythical Patterns in Herodotus // Brill's Companion to Herodotus. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 97–116

²² Фракийское племя. Греческая колония Кардия располагалась на полуострове Херсонес Фракийский, в непосредственном соседстве от Фракии.

²³ Имеем в виду, разумеется, его «новеллистические» пассажи, о которых наиболее подробно см. в классическом труде: *Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. Ср. хотя бы вот такой, тоже, кстати, связанный с «конской» тематикой (Herod. I. 80): «Тут Кир, увидев, что лидийцы стоят в боевом порядке, готовые к бою, в страхе перед их конницей по совету мидянина Гарпага поступил вот так: всех выючных и нагруженных продовольствием верблюдов, следовавших

умеется, далеко не единственный²⁴. Перед нами лишнее свидетельство того, что распространенное в исследовательской литературе противопоставление Геродота так называемым «логографам» в значительной мере условно. Или, во всяком случае, различие между ними имеет только количественный, а не качественный характер.

Конечно, бросается в глаза, что стиль Гекатея, Харона и их современников ни в коей мере не был риторически отточенным; в этом смысле его можно назвать в известной степени наивным²⁵.

за войском, Кир велел согнать, разгрузить и посадить на них воинов в одежде всадников. Затем он поставил верблюдов впереди войска против конницы Креза, пехоте же приказал следовать за верблюдами, а позади пехотинцев расположил всё остальное войско. После того как все заняли свои места, Кир отдал приказ умерщвлять без пощады всех попадавшихся лидийцев, только самого Креза не убивать, даже если тот будет защищаться при захвате в плен. Таково было приказание Кира, а верблюдов он велел поставить против неприятельской конницы потому, что кони боятся верблюдов и не выносят их вида и запаха. Эта хитрость была придумана для того, чтобы сделать бесполезной именно ту самую конницу, которой лидийский царь считывал блеснуть. Битва началась, и лишь только кони почували верблюдов и увидели их, то повернули назад, и надежды Креза рухнули» (пер. Г.А. Стратановского).

²⁴ У того же Харона ср., например: FGrHist. 262. F7. У Гекатея: FGrHist. 1 F30, F127. У Ксанфа: fr. 12 Müller. О том, что у Ксанфа и Геродота больше сходных черт, чем отличительных, что они принадлежат к одному ментальному койне, см.: *Mehl A. Herodotus and Xanthus of Sardis Compared // The World of Herodotus. Nicosia, 2004. P. 337–348.*

²⁵ Занятно, например, что они часто употребляют настоящее время в рассказе о прошедших событиях; очевидно, прошлое было для них неотрывным от настоящего, продолжало жить в настоящем, воспринималось «сквозь призму настоящего» (*Суриков И.Е. Очерки об историописании. С. 43 и сл.*). К оценке подобного же феномена применительно к средневековой эпохе см.: *Бобкова М.С. «Мы сами — время»: прошлое и настоящее в историческом сознании эпохи Средневековья // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 133 и сл.: «На протяжении почти всего Средневековья история строилась на непрерывности, преемственности... Прошлое продолжало присутствовать, жить в настоящем, и поэтому важно было его выявить: история естественным образом освещала настоящее... Для современных историков изучение истории строится на обостренном осознании радикального разрыва между миром прошлого и научной реконструкцией». Налицо контраст между установками «рефлексивного традиционализма» (о котором см.: *Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 101–114, 146–157*) и современными дисциплинарными нормами, порожденными антитрадиционалистской тенденцией. Дабы не высказываться голословно, приведем несколько примеров регулярного употребления раннегреческими историками настоящего времени в рассказе о прошлом. Ферекид (FGrHist.3. F2): «Филей же, сын Аякса, живет в Афинах; от него же происходит Даикл...» и т.д. Акусилай (FGrHist. 2. F22): «С Кеной, дочерью Элата, совокупляется Посейдон. Затем — ибо не подобало ей рожать детей ни от него самого, ни от кого-либо другого — Посейдон превращает ее в неуязвимого мужа, наделенного самой великой силой из всех тогдашних людей...» и т.д.*

Но ведь во многом наивен в этом плане и стиль Геродота. Последний точно так же, как и его предшественники, принадлежит еще к «дориторической» историографии²⁶. А вот на того древнегреческого историка, который шел непосредственно за ним, — на Фукидида — риторика, напротив, оказала уже колоссальное влияние. Фукидид изучал ораторское искусство в школе известного ритора Антифонта и, хотя профессиональным мастером красноречия он не стал (ввиду изгнания из Афин жизнь его сложилась иначе), полученные навыки пронизали собой всё его творчество²⁷, предопределили свойственный ему напряженно-сентенциозный стиль, столь отличный от простоты его предшественников (и потому Фукидид столь труден для перевода с древнегреческого языка на любой другой). Ну а в следующем, IV в. до н.э. риторическая историография расцветает в Афинах уже пышным цветом²⁸.

* * *

Афины, Афины — этот полис всё чаще начинает упоминаться в нашем изложении, что, разумеется, ни в коей мере не случайно. Когда архаическая ионийская историографическая традиция (представленная, напомним, так называемыми «логографами» и Геродотом) завершается (и в дальнейшем уже не имеет последователей), —

²⁶ Вопреки нередко высказывавшемуся мнению о влиянии риторики на Геродота (см., например: *Gray V. Herodotus and the Rhetoric of Otherness // American Journal of Philology. 1995. Vol. 116, N 2. P. 185–211*).

²⁷ Достаточно вспомнить хотя бы о многочисленных речах действующих лиц, встречающихся в «Истории» Фукидида. Об этом феномене писали много (см., например: *Greenwood E. Making Words Count: Freedom of Speech and Narrative in Thucydides // Free Speech in Classical Antiquity. Leiden; Boston, 2004. P. 175–195; Morrison J.V. Interaction of Speech and Narrative in Thucydides // Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006. P. 251–277; Moles J. Narrative and Speech Problems in Thucydides Book I // Ancient Historiography and its Contexts: Studies in Honour of A.J. Woodman. Oxford, 2010. P. 15–39*), и он, наверное, никогда не перестанет привлекать к себе внимание исследователей. Разумеется, и у Геродота персонажи нередко произносят речи (*Pelling C. Speech and Narrative in the Histories // The Cambridge Companion to Herodotus. Cambridge, 2006. P. 103–121; Bakker M. de. Speech and Authority*); о произведениях так называемых «логографов» этого нельзя сказать с той же уверенностью. Но даже геродотовские речи разительно отличаются от фукидидовских минимальной степенью риторической обработки. См. также исследование общего характера: *Marincola J. Speeches in Classical Historiography // A Companion to Greek and Roman Historiography. Oxford, 2007. Vol. 1. P. 118–132*.

²⁸ *Махлаюк А.В., Суриков И.Е. Античная историческая мысль и историография. М., 2008. С. 98 и сл.*

с Фукидидом на смену приходит иная — классическая аттическая, принципиально отличающаяся по своему характеру.

Геродота и Фукидида постоянно сравнивают²⁹, и сопоставление не обнаруживает практически ничего общего, несмотря на то, что двух «служителей Клио» разделяло лишь одно поколение и они были лично знакомы. Их труды отражают два разных типа исторического сознания, две противостоящие друг другу методологические установки, которые можно охарактеризовать как «диалогичную» (у Геродота) и «монологичную» (у Фукидида).

Весьма важно для нас, что для Геродота, его предшественников и современников была характерна бóльшая тематическая широта³⁰. Для них вполне законными предметами исторического исследования еще являются темы, связанные с этнографией, географией, культурой, менталитетом и т.п. Это придает целостность, многосторонность картине социума и цивилизации. Уже начиная с Фукидида ситуация резко изменяется. Именно этот последний, как справедливо отмечалось³¹, определил ключевую проблематику всей последующей историографии, не только античной, но и европейской вплоть до XX века. Военная, политическая, дипломатическая, одним словом, событийная история — вот что прежде всего интересовало Фукидида и тех, кто шел по его стопам (а таких всегда было подавляющее большинство)³². Остальные аспекты жизни общества, как правило, оставались «за бортом» исторической науки, что означало, без сомнения, сужение ее предметного поля.

²⁹ См. хотя бы: *Sealey R.* Thucydides, Herodotos, and the Causes of War // *Classical Quarterly*. 1957. Vol. 7, N 1/2. P. 1–12; *Hunter V.* Past and Process in Herodotus and Thucydides. Princeton, 1982; *Rogkoti Z.* Thucydides and Herodotus: Aspects of their Intertextual Relationship // *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 2006. P. 57–86; *Bringmann K.* Herodot und Thukydides: Geschichte und Geschichtsschreibung im 5. Jahrhundert v.Chr. // *Historie und Leben: Der Historiker als Wissenschaftler und Zeitgenosse. Festschrift für L. Gall zum 70. Geburtstag*. München, 2006. S. 3–14; *Węcowski M.* Friends or Foes? Herodotus in Thucydides' Preface // *The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres*. Newcastle upon Tyne, 2008. P. 34–57. Проводили такое сравнение и мы, см.: *Суриков И.Е.* Очерки об историописании. С. 60 и сл., 149 и сл. Поэтому здесь мы лишь весьма кратко скажем об этой проблеме, а интересующихся деталями отошлем к указанным местам нашей книги.

³⁰ *Bichler R.* Herodotus' Ethnography. Examples and Principles // *The World of Herodotus*. Nicosia, 2004. P. 92 ff.

³¹ *Hart J.* Herodotus and Greek History. L., 1982. P. 179.

³² *Momigliano A.* Essays. P. 142.

Тем самым Геродот неожиданно оказался гораздо ближе историкам современной нам эпохи. Те самые «структуры повседневности», которые занимали столь важное место в труде «отца истории», а начиная с Фукидида совершенно игнорировались, в результате разработок прежде всего представителей школы «Анналов» вновь нашли себе полноправное и даже приоритетное место в кругу интересов исторической науки.

Фукидид буквально всё изменил в истории историописания — даже язык. Представители архаической ионийской историографической традиции и писали на ионийском диалекте. Даже те из них, для кого он родным не являлся. Так, для афинянина Ферекида родным был аттический диалект, для митиленинина Гелланика — эолийский, для аргосца Акусилая — дорийский, для галикарнасца Геродота — также дорийский³³. То, что свои мысли они доносили для читателей все-таки по-ионийски, объясняется в первую очередь тем, что ионийский диалект был в принципе первым, на котором сложилась древнегреческая проза³⁴. На том же диалекте писали и основоположники эллинской (и мировой) философии, начиная с Анаксимандра (что не удивительно, поскольку все они и этнически были ионийцами), а также мифографы и генеалоги того времени, такие как Ферекид Сиросский (не путать с упоминавшимся выше Ферекидом Афинским³⁵). А Фукидид, следуя примеру своего учителя Антифонта (который, похоже, едва ли не первым сделал аттический диалект языком письменной прозы), написал свой труд именно по-аттически.

³³ Впрочем, с Геродотом всё несколько сложнее. Предлагалось два основных решения вопроса о том, почему великий галикарнасец написал свою историю по-ионийски. С одной стороны, высказывалась мысль, что Геродот, родным диалектом которого был дорийский, «рано приобщился к передовой ионийской культуре» (Фролов Э.Д. Факел Прометея. С. 104) и писал свой исторический труд на ионийском диалекте потому, что такова была сложившаяся к его времени традиция, установленная так называемыми «логографами». С другой стороны, есть и мнение, согласно которому Галикарнас ко времени Геродота стал уже фактически ионийским городом (Cook J.M. *The Greeks in Ionia and the East*. L., 1962. P. 30); соответственно, родным для «отца истории» являлся именно ионийский диалект. Однозначный выбор между этими двумя альтернативными объяснениями вряд ли возможен.

³⁴ Об общем историко-культурном значении возникновения прозы в Греции в VI в. до н.э. см.: Шичалин Ю.А. Ἐπιστροφή, или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. М., 1994. С. 37 и сл.

³⁵ К вопросу о носителях имени Ферекид см.: Перевалов С.М. Древнейшее упоминание имени «Кавказ» в античной литературе // *Gaudeamus igitur*: Сб. ст. к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 310–317.

Не скажем, конечно, что две традиции раннего греческого историописания, о которых здесь идет речь, — архаическая ионийская и классическая аттическая — совсем уж коренным образом отличались друг от друга. Так, для обеих был характерен подход, в рамках которого история понималась не как сухое, чисто описательное изложение фактов, а обязательно как *исследование*. В другом месте нам доводилось писать, что в отличие от хрониста (древневосточного или какого-либо иного), который просто описывает, древнегреческий историк *ищет*³⁶. И это можно сказать, подчеркнем, о любом из представителей историографии лучшей поры Эллады, будь то Гекатей или Гелланик, Геродот или Фукидид.

Итак, говоря о первых греческих историках, не приходится сомневаться, перед нами именно некая единая традиция. Между прочим, весьма интересен в связи с ней еще и такой сюжет: как соотносилась она с современной ей исторической поэзией? В частности, в то же самое время, когда работали так называемые логографы, продолжал еще создавать свои стихотворные произведения великий Симонид. Среди его поэм — «Царствование Камбиса и Дария», «Навмахия Ксеркса» (тут речь идет о морском сражении при Артемисии 480 г. до н.э.), «Навмахия при Саламине»³⁷.

Имя Симонида (который был, помимо своих остальных заслуг, еще и изобретателем мнемотехники) до последнего времени достаточно редко фигурировало в исследовательской литературе в связи с генезисом античной историографии. Однако относительно недавно (в 1992 г.) были опубликованы папирусные фрагменты его произведений, которые произвели просто ошеломляющее впечатление. Речь идет в первую очередь об отрывках из поэмы о Платейской битве 479 г. до н.э. (к сожалению, оригинальное название не сохранилось). Чтобы стало яснее всё значение этого памятника, приведем самый крупный отрывок (правда, не весь, а частично). В начале этого отрывка речь идет о делах мифологических, о событиях Троянской войны: упоминаются гибель Ахилла, взятие Илиона, воздается честь Гомеру, благодаря которому эти деяния стали достоянием потомков. А затем автор внезапно переходит к Греко-персидским войнам и описывает выступление к Платеям спартан-

³⁶ Суриков И.Е. Очерки об историописании. С. 13.

³⁷ Balcer J.M. Herodotus. P. 25.

ского войска во главе с командующим — регентом Павсанием. Данную часть фрагмента мы и процитируем³⁸:

...Многоименная Муза³⁹, тебя призываю на помощь,
Если любезна тебе смертного мужа мольба.
Лад заведи сладкозвучный, чарующий, песни ты нашей,
Чтоб вспоминали всегда подвиг отважных мужей,
Ибо от Спарты родной, от Эллады ярмо отвратили
Горького рабского дня — больше он нам не грозит.
Да не забудется слава, что гордо подымется к небу,
Доблесть могучих мужей смерти навек избежит!
Вот уж, покинув течение Еврота и пажити Спарты,
В спутники взяли себе Зевса красавцев сынов,
Дерзко коней укрощавших, и мощного духом Атрида,
Отчего града вожди, лучшие в бранных делах⁴⁰.
Вел же их сын благородный божественного Клеомброта⁴¹;
...имя Павсаний ему.
Скоро достигли на Истме земли достославной Коринфа,
Края, в котором царил Тантала отпрыск — Пелоп.
Вот миновали Мегары, город древнего Ниса,
Там и другие сошлись, кто проживает окрест.
В знаменья божьи уверовав, вместе они поспешили
В землю, любезную всем, милый сердцам Элевсин...

Таким образом, здесь повествуется о том, как спартанцы — поэт награждает их пышнейшими эпитетами — начинают поход, как они продвигаются от города к городу. Причем продвижение это происходит в весьма насыщенном «сакральном ландшафте»⁴², постоянно

³⁸ В переводе В.Н. Ярхо по изданию: *Эллинские поэты VIII—III вв. до н.э.* Эпос, элегия, ямбы, мелика / Изд. подгот. М.Л. Гаспаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. М., 1999. С. 282–283. Следует отметить, что на сей раз у нас весьма оперативно перевели недавно ставший известным ценный памятник.

³⁹ Прием чисто поэтический; историки как таковые к музам в своих трудах не обращались (хоть у них и была собственная муза — Клио).

⁴⁰ Речь идет о том, что перед началом войн спартанцы заручались благосклонностью мифологических героев, почитавшихся в их городе: Диоскуров Кастора и Полидевка, а также Менелая (Атрида).

⁴¹ Далее — лакуна размером в половину следующей строки.

⁴² В связи с понятием «сакрального ландшафта» применительно к античной Греции см., например: *Cole S.G. Landscapes of Dionysos and Elysian Fields // Greek Mysteries: The Archaeology and Ritual of Ancient Greek Secret Cults.* L.; N.Y., 2003. P. 193–217; *Idem. Landscapes, Gender, and Ritual Space: The Ancient Greek Experience.* Berkeley, 2004; *Foxhall L. Environments and Landscapes of Greek Culture // A Companion to the Classical Greek World.* Oxford, 2006. P. 245–280; *Cohen A. Mythic*

упоминаются чтимые герои. Аналогичная черта, кстати, впоследствии прослеживается и у Геродота (но уже у Фукидида — ни в малейшей мере).

Одним словом, перед нами уникальный памятник протоисторической мысли. Он находится на грани между поэзией и собственно историческим повествованием. Симонид решает задачу в эпическом духе рассказать не о сюжетах из мифологии, как делалось раньше, а о событиях недавних, современником и свидетелем которых он сам был. Он выступает фактически как непосредственный предшественник Геродота, тем более что речь у славного стихотворца и у «отца истории» идет ровно об одном и том же: Геродот ведь также описывает спартанский подход и сражение при Платеях.

Есть, однако, между Симонидом и Геродотом и существенные расхождения. Они лежат не только в стилистической плоскости (ясно, что историк, писавший прозой, избегал чрезмерных словесных красот, а поэт, напротив, сознательно их нагнетал), но и в сфере содержательной. Неодинаково изображены некоторые конкретные события. Характерный пример — оценка роли коринфян в битве, на что уже обращалось внимание⁴³. У Симонида (в одном из малых фрагментов из той же поэмы) говорится:

Те, что в середине стоят, из обильной ручьями Эфиры⁴⁴,
Знают, как доблесть добыть в схватке суровой с врагом, —
Люди, что родину Главка, город Коринф населяют.

Совсем другая картина — у Геродота (IX. 69): по его мнению, в битве при Платеях коринфский отряд, наряду с контингентами из многих других греческих городов, не принял, в сущности, никакого участия. Сражение было выиграно исключительно благо-

Landscapes of Greece // The Cambridge Companion to Greek Mythology. Cambridge, 2007. P. 305–330; Mehl A. Veränderte und gestaltete Landschaft im antiken Götter- und Totenkult // Die Landschaft und die Religion. Stuttgart, 2009. S. 155–174; Суриков И.Е. Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // ВЕДС-ХVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006. С. 181–186. Кроме того, основополагающей остается известная работа более общего характера: Polignac F. de. Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago, 1995.

⁴³ Boedeker D. Heroic Historiography: Simonides and Herodotus on Plataea // The New Simonides: Contexts of Praise and Desire. Oxford, 2001. P. 120–134; Суриков И.Е. Историк в изменяющемся мире: эволюция образа Коринфа в труде Геродота // ВДИ. 2009. № 1. С. 29–53.

⁴⁴ Древнее название Коринфа, часто употреблявшееся в поэзии.

даря действиям спартанцев, афинян и тегейцев, а все остальные «стояли у святилища Геры и не участвовали в битве». Затем до них дошла весть о победе Павсания, и «тогда эллины в полном беспорядке устремились к святилищу Деметры⁴⁵, причем коринфяне и их соседи — по склонам Киферона и холмам дорогой, идущей прямо вверх...». Бросились они туда, естественно, для того, чтобы поживиться при разграблении вражеского лагеря. Таким образом, здесь коринфяне изображены в далеко не столь благоприятном свете. Причем из двух версий явно ближе к истине та, которая представлена у Симонида; Геродот же в данном случае пользовался тенденциозной афинской традицией, враждебной по отношению к Коринфу.

Писал Симонид и о скорбном для эллинов Фермопильском сражении⁴⁶: сохранился фрагмент его песни, восхвалявшей павших воинов, да и знаменитые стихотворные надписи в честь трехсот спартанцев, установленные на поле боя, с наибольшей вероятностью принадлежат именно ему. В целом следует сказать, что, пожалуй, именно этот автор был в наибольшей степени подготовлен для того, чтобы «перебросить мостик» между поэзией и историографией. Когда начались Греко-персидские войны, он был уже маститым и прославленным. Поэт застал еще архаическую эпоху, жилал при дворах тиранов, прославляя их. А теперь вот ему выпало на долю воспеть мужество освободителей родины.

Симонид, несомненно, был одним из главных творцов великого мифа о Греко-персидских войнах, об «эллинах» и «варварах»⁴⁷. Кроме того, поэмы столь известного мастера на чисто исторические сюжеты, несомненно, сразу же после их создания получили большую популярность и широкое распространение в Элладе, а тем самым способствовали развитию историописания. Один за другим начинают появляться труды на «персидскую» тематику». Выше они уже упоминались: это сочинения Харона Лампсакского,

⁴⁵ См. интересную работу о месте святилищ Деметры в великих битвах Греко-персидских войн: *Boedeker D. The View from Eleusis: Demeter in the Persian Wars // Cultural Responses to the Persian Wars: Antiquity to the Third Millennium. Oxford, 2007. P. 65–82.*

⁴⁶ *Vannicelli P. To Each His Own: Simonides and Herodotus on Thermopylae // A Companion to Greek and Roman Historiography. Oxford, 2007. Vol. 2. P. 315–321.*

⁴⁷ По поводу этого мифа см.: *Суриков И.Е. Очерки об историографии. С. 260 и сл. (правда, там мы больше концентрируемся на выявлении вклада Эсхила и Геродота).*

Дионисия Милетского, Гелланика. Наконец, создается величавое полотно Геродота. Не думаем, чтобы всё это произошло без всякого влияния Симонида. Таким образом, его роль в становлении античной и мировой историографии еще предстоит оценить по достоинству; пока это в должной мере не сделано.

* * *

Теперь представляется возможным и необходимым осветить применительно к Греции (кратко, в принципиальной форме, поскольку сделать большее не позволяет ограниченный объем статьи) вопросы максимально общего характера, которые были поставлены в информационном письме участникам круглого стола «Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья», по итогам которого издается настоящий сборник (или, по крайней мере, на часть этих вопросов).

Когда, на каком этапе становления государственности возникает историописание? Если говорить об историописании в собственном смысле слова⁴⁸, то в эллинском мире оно появляется тогда, когда процесс становления полисной государственности уже завершен и она существует в развитой форме. Напомним, что первые греческие историки появляются не ранее второй половины VI в. до н.э., иными словами, в самом конце эпохи архаики. А процессы политогенеза в Элладе идут, напротив, в первой половине этой бурной эпохи⁴⁹. Греческий полис — первоначально в типологически более

⁴⁸ Ясно, что уже задолго до того, как были написаны труды первых историков, в Греции существовали достаточно развитые формы исторической памяти. Они проявились уже в древнейших памятниках античной литературы — эпических поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея», сформировавшихся в основном на протяжении VIII в. до н.э. Героический эпос, всецело обращенный своим содержанием к описанию событий прошлого, несомненно, представлял собой первую ступень в осмыслении этого прошлого. Кроме того, Гомер уже имел четкое представление о постепенной эволюции человечества от стадии варварства (представленной в описании быта циклопов в «Одиссее») к цивилизации и государственности. А в «Трудах и днях» Гесиода (рубеж VIII–VII вв. до н.э.), крупнейшего представителя дидактического эпоса, мы находим уже вполне разработанную схему исторического развития, первую в европейской культуре. Это — концепция последовательно нисходящих «поколений» или «веков» — от золотого до железного. См. обо всём этом: *Махлаюк А.В., Суриков И.Е.* Античная историческая мысль. С. 10 и сл. Но мы в данной статье хотели бы остаться в рамках историографии как таковой.

⁴⁹ Например, применительно к Афинам см.: *Суриков И.Е.* К проблеме формирования греческого полиса: Афины в VIII–VII вв. до н.э. // ВЕДС-XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 273–278.

ранней форме архаического полиса⁵⁰ — складывается на протяжении VIII — первой половины VII в. до н.э. (в каких-то местах его складывание, возможно, началось и раньше). В любом случае, в Афинах к середине VII в. до н.э. этот процесс, повторим, в основном завершился; в сопоставимые сроки это произошло и в ряде других регионов греческого мира, а именно в тех, которые развивались относительно быстрыми темпами⁵¹.

Однако в продолжение второй половины архаической эпохи идет формирование классического полиса, который типологически отличен от архаического. Оно завершается в тех же передовых регионах к рубежу VI–V вв. до н.э. И как раз тогда начинают активно действовать историки. Не связаны ли между собой эти два нюанса, а если связаны, то как? Полагаем, что связь имела место, но касательно ее конкретных механизмов пока можем только поставить вопрос, даже без попытки дать на него ответ.

Как выглядят наиболее ранние формы историописания, какие тексты в его рамках возникают раньше других? Тут нужно сразу оговорить, что уже на самой заре древнегреческой историографии мы встречаем многообразие жанров и стилей (многообразие, возникающее как-то моментально, подобно «Афине из головы Зевса», если воспользоваться образом, созданным теми же эллинами). Перед нами — и достаточно сухие перечни (как правило, генеалогического характера), интересные, надо полагать, в основном аристократам из тех родов, для которых историками писались соответствующие родословия⁵², и рано возникающие развернутые нарративы (уже начиная с Гекатея), в том числе с экскурсами вполне новеллистического характера. Но все эти тексты, подчер-

⁵⁰ В связи с дальнейшим см.: *Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // *Античный полис: Курс лекций.* М., 2010. С. 14 и сл.

⁵¹ А о регионах, развивавшихся медленными темпами (как какие-нибудь Этолия, Акарнания и т.п.), мы здесь не говорим, поскольку они на протяжении архаической и классической эпох историков не породили. И в приводившемся выше перечне так называемых «логографов» у Дионисия Галикарнасского нет представителей этих отсталых областей.

⁵² Приведем характерный образчик из Ферекида Афинского (FGrHist. 3. F2): «Филей же, сын Аякса, живет в Афинах; от него же происходит Даикл; от того — Эпилик; от того — Акестор; от того — Агенор; от того — Улий; от того — Лик; от того — Тофонт; от того — Лай; от того — Агаместор; от того — Тисандр; от того — Гиппоклид, в чье архонтство в Афинах были учреждены Панафинеи; [от того — Кипсел;] от того — Мильтиад, населивший колонистами Херсонес». Это — родословная знаменитого афинского рода Филаидов, о котором см.: *Суриков И.Е.* Геродот и Филаиды // *Аристей.* М., 2011. Т. 3. С. 30–64.

кнем снова и снова, несут явственный отпечаток исследования, изыскания.

Чего мы не найдем в раннегреческой историографии (об этом тоже уже упоминалось выше) — так это жанра хроники. Точку зрения, согласно которой хроники играли важную роль в становлении исторической традиции у греков⁵³, следует признать окончательно устаревшей. Погодные списки эпонимных магистратов в греческих полисах велись, но их содержание теперь вполне ясно — благодаря открытию и изучению эпиграфических фрагментов афинского списка архонтов, ведшегося и ежегодно пополнявшегося с VII в. до н.э.⁵⁴: только имена, без какой-либо сопутствующей информации. Ничего подобного римским фастам и анналам в Греции эпох архаики и классики мы не встретим.

Кто выступает инициатором составления первых исторических текстов и какова роль государства (или церкви, что применительно к полису означает то же самое⁵⁵) в процессе становления историографии? О последней можно твердо сказать, что она в данном процессе на греческой почве близка к нулевой или даже просто является нулевой. Это тоже в какой-то мере уникальная черта античного эллинского историописания. Исторические труды создаются исключительно частными, «не ангажированными» индивидами. Тот же Гекатей играл видную роль в политической жизни своего родного Милета, но к его деятельности как историка это не имело ровно никакого отношения. Геродот вообще большую часть жизни провел как «лицо без гражданства», а стало быть — и без малейшей возможности оказывать реальное влияние на политику. После того, как он еще в ранней молодости вынужден был бежать из родного Галикарнасса⁵⁶, он скитался и лишь через четверть века стал гражданином Фурий, основанных в Южной Италии под афинской эгидой⁵⁷. Гелланик, судя по тому, на какие различные темы и о скольких странах и областях он писал, тоже никак не был ангажи-

⁵³ В отечественной историографии эта точка зрения с полной ясностью представлена, например, в работе: *Фролов Э.Д.* Факел Прометея. С. 91 и сл.

⁵⁴ По этому вопросу до сих пор важнейшей остается работа: *Bradeen D.* The Fifth-Century Archon List // *Hesperia*. 1964. Vol. 32, N 2. P. 187–208.

⁵⁵ *Суриков И.Е.* Греческий полис. С. 23 и сл.

⁵⁶ И перебраться на Самос, где он провел долгое время (вопреки скептицизму, высказываемому в работе: *Pelling C.* Herodotus and Samos // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2011. Vol. 54, N 1. P. 1–18).

⁵⁷ *Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009. С. 299 и сл.

рован своим государством (Митиленами). Одним словом, сочинения, создававшиеся в то время историками, были всецело плодом «частной инициативы» их авторов.

Конечно, в любом суждении неуместна чрезмерная категоричность. Тому же Геродоту, после проведенных им в Афинах публичных чтений своего труда, афинские власти предоставили колоссальную сумму в 10 талантов (260 кг серебра). Что это было — награда за восхитительно проделанную работу, «грант» на дальнейшие исследования или даже плата за оказанные разведывательные услуги (есть и такая версия)⁵⁸, — в данном случае не столь уж принципиально. Из приведенного факта видно, что вмешательство государства в процесс историографического творчества ограничивалось только вот таким косвенным спонсированием. Никакого «госзаказа» Геродот (равно как и кто-либо иной из раннегреческих историков) не получал, писал, что хотел и как хотел. Другое дело, что политические симпатии Геродота к Афинам, разумеется, не могли не проявляться; они проскальзывают во многих местах его труда. Однако точно так же сталкиваемся мы и с геродотовской симпатией к Спарте, хотя, насколько известно, спартанские власти его никогда не награждали.

Кстати, к вопросу о Спарте. Вот характерный пассаж из Платона (Hipp. M. 285d). Спартанцы, говорит странствующий софист Гиппий Элидский (занимавшийся, в числе прочего, также и историческими изысканиями), больше всего любят слушать «о родословной героев и людей... о заселении колоний, о том, как в старину основывались города, — одним словом, они с особенным удовольствием слушают все рассказы о далеком прошлом (πάσης τῆς ἀρχαιολογίας)⁵⁹, так что из-за них я и сам вынужден был очень тщательно все это изучить». Итак, спартанцам близки и интересны повествования на исторические темы (а чуть выше сам Гиппий отмечает, что их не привлекают ни астрономия, ни геометрия, ни грамматика...). А последний тезис Гиппия имеет просто-таки исключительное значение. Ведь именно этот софист внес едва ли не самый большой вклад в становление

⁵⁸ Подробнее см.: Там же. С. 176 и сл.

⁵⁹ Ср. к этому наблюдение современного ученого, что в V в. до н.э. отдаленное прошлое было в памяти людей более живо, чем события относительно недавнего времени: для грека этой эпохи Эдип, Агамемнон или Тесей имели более реальный облик, нежели почти любой исторический деятель предыдущего столетия (Vandiver E. Heroes in Herodotus: The Interaction of Myth and History. Frankfurt a.M., 1991).

древнегреческой хронологии как научной дисциплины, составив и издав список олимпийцев. Выясняется, что он сделал это если не по прямой инициативе спартанцев, то, во всяком случае, в угоду им!

И тем не менее на вопрос Сократа: «Скажи мне вот что: ты-то сам в каком государстве из тех, куда заезжаешь, заработал больше денег? Видно, в Лакедемоне, где бываешь чаще всего?» — Гиппий отвечает: «Я там вообще никогда ничего не получал» (Plat. Hipp. M. 283bc). Как видим, спартанцы и Гиппию не дали никаких наград, — точно так же, как и Геродоту⁶⁰. И тем не менее Гиппий (хотя он вообще-то имел репутацию любостяжателя) очень часто к ним ездил.

Как соотносились при становлении древнегреческой историографии внутренние потребности и внешние влияния? Первые были всецело определяющими. Практически ни о каких внешних влияниях говорить в данном случае не приходится⁶¹. Да и откуда бы им было взяться? На ниве исторической науки, исторического исследования эллины были первыми. На Ближнем Востоке до них писались хроники, но греки ими не интересовались (поскольку их историческая мысль шла иными путями), да и попросту практически не читали их — в том числе и потому, что упорно не желали изучать иностранные, «варварские» языки⁶².

Древнегреческие историки не ориентировались на какие-либо чужие образцы — они сами создавали такие образцы для других. Таким образом, на вопрос «Насколько такие образцы необходимы для возникновения историописания?» реалии античной Эллады дают ответ: не необходимы. По крайней мере, не всегда.

Как соотносятся на начальных этапах формирования античного историописания письменное и устное? Здесь следует говорить

⁶⁰ «Награда» спартанцев Геродоту выражалась разве лишь в том, что ему позволили больше, чем остальным чужеземцам, посмотреть в их крайне закрытом государстве.

⁶¹ Разумеется, если оставаться в рамках самого историографического жанра. Если выйти за его пределы и включить в рассмотрение общеисторический контекст, то ясно, что такое событие, как Греко-персидские войны, оказало очень большое влияние на творчество эллинских историков (как то и отмечалось выше). Но сейчас речь не об этом.

⁶² Даже Геродот, объездивший полмира, путешествовавший больше, чем любой другой античный автор (Momigliano A. The Classical Foundations. P. 51), встречавшийся с представителями десятков народов, так и не взял на себя труда выучить язык хоть одного из этих народов и общался со своими чужеземными собеседниками через толмачей. См.: Суриков И.Е. Геродот. С. 257 и сл.

о весьма сложном, плодотворном взаимодействии двух названных сфер (и не только в связи с трудами историков). Хорошо известно, что даже самый развитый из древнегреческих социумов — афинский — был вплоть до конца V в. до н.э. ареалом преимущественно устного слова, устной культуры. Лишь в IV в. до н.э. письменные коммуникации начинают играть в среде афинян важную роль⁶³. А историография к тому времени давно уже возникла!

Место живого, устного слова в полисных условиях было колоссальным. Это, собственно, факт, вряд ли нуждающийся в специальных доказательствах. Вполне закономерно, что именно в классической Греции появилась риторика — наука об ораторском искусстве⁶⁴. А разве где-нибудь, кроме Афин V в. до н.э., мог возникнуть феномен Сократа — одного из величайших философов в мировой истории, который при этом не написал ни одного философского труда, а излагал свои идеи исключительно в устной форме?⁶⁵

Сказанное имеет прямое отношение и к эллинским историкам первых поколений. Отмечалось⁶⁶, что они (очевидно, как и ранние прозаики в целом) имели обыкновение устраивать публичные чтения своих трудов. Произведения либо могли зачитываться целиком, либо — если их объем был велик, как у «Истории» Геродота, — слушателям оглашались лишь какие-то части труда. Относительно того же Геродота достоверно известно, что он неоднократно читал свой труд (на разных стадиях работы над ним) перед различными аудиториями (Dio Chrys. Or. XXXVII. 7; Plut. Mor. 862b, 864d; Lucian. Herod. 1; Euseb. Chron. a. Abr. 1572 = Ol. 83, 4; Marcellin. Vita Thuc. 27, 54; Suid. s.v. Θουκυδίδης). Выше уже говорилось о чтении в Афинах, принесшем Геродоту славу и деньги. Но такие чтения проводились им и в других городах — Олимпии, Фивах, Коринфе, — причем, что интересно, с разной степенью успеха.

⁶³ См. на примере судопроизводства, словесности и др.: *Boegehold A.L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia*. Princeton, 1995. (The Athenian Agora; Vol. 27). P. 21–42; *Seidensticker B. Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 1995. S. 175–198.

⁶⁴ Связь между афинской риторикой, демократией, демократической идеологией особенно четко прослежена в работе: *Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People*. Princeton, 1989.

⁶⁵ *Суриков И.Е.* Сократ. М., 2011. С. 7 и сл.

⁶⁶ *Momigliano A. The Historians of the Classical World and their Audiences: Some Suggestions // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia.* 1987. Vol. 8. P. 63.

Так, некоторые античные авторы сообщают, что у коринфян и фиванцев Геродот не встретил того приема, который ожидал, а самое главное — не получил платы, на которую рассчитывал; обидевшись, он якобы переписал некоторые части своего сочинения с сознательным намерением очернить Коринф и Фивы. В действительности, скорее всего, в данной традиции перемещены причина и следствие. Отношение к двум названным полисам в «Истории» Геродота действительно далеко от восторженного; очевидно, именно поэтому его там и принимали без энтузиазма.

Итак, Геродот озвучивал устно отрывки из труда своей жизни еще до того, как этот труд был завершен (а надо сказать, что он так и не был завершен⁶⁷). При этом наверняка после каждой такой «лекции» вспыхивало обсуждение, автор отвечал на вопросы — а на какие-то и затруднялся с ходу ответить. Тогда он проводил дополнительное исследование, дорабатывал произведение, вносил в него новые аргументы⁶⁸.

Чтения, таким образом, помогали Геродоту улучшать «Историю». Да и вообще создается впечатление, что основной для него была именно устная, а не опубликованная форма существования трактата. Строго говоря, неизвестно даже, собирался ли он вообще его издавать. Возможно, и не собирался; во всяком случае, публикация сочинения была осуществлена лишь после смерти автора, его друзьями (Phot. Bibl. cod. 190. 148b).

И вновь — уже далеко не в первый раз — резким контрастом выступает Фукидид. Он в своем известном методологическом пассаже (I. 21–22) так специально и подчеркивает, что пишет не для слушателей, а для читателей. Насколько известно, он и в действительности, в отличие от Геродота и других своих предшественников, не выступал перед публикой с отрывками из своего труда⁶⁹. Вряд ли потому, что не имел такой возможности (после изгнания из Афин он объездил многие регионы эллинского мира); скорее всего, просто не хотел. Иными словами, такова была его принципиальная позиция.

В очередной раз перед нами свидетельство того, что на Геродоте завершается первый цикл эволюции античной историографии, а с Фукидида начинается новый. Между прочим, возможно, реле-

⁶⁷ Суриков И.Е. Очерки об историописании. С. 271 и сл.

⁶⁸ Следы подобных дебатов, в которых приходилось подыскивать доводы, см., например: Herod. VI. 43.

⁶⁹ О роли Фукидида в переходе от устного к письменному типу культуры см.: Morrison J.V. Reading Thucydides. Columbus, 2006. P. 9.

вантен в связи с этим даже такой нюанс, как различие названий трудов двух великих «служителей Клио». В русской традиции оба передаются как «История», но в оригинале — иначе. Сочинение Геродота действительно называлось Ἱστορίη (*historia*), т.е. «исследование» и даже «расследование, следствие». А вот подлинное название произведения Фукидида — Συγγραφή⁷⁰. Не исключаем, что Фукидид ввел новый термин, а не воспользовался уже существовавшим потому, что писал свой трактат во многих отношениях «в пику» Геродоту. Важно уже то, что в наименовании — Συγγραφή явственно присутствует корень γραφ-, однозначно связанный с категорией письменности, письменных форм культуры.

Подытожим наши наблюдения по только что рассматривавшемуся вопросу. Ныне представляется несомненным, что для ранних греческих историков — так называемых «логографов» и Геродота — устные традиции имели гораздо большее значение, нежели письменные памятники. Бесспорно, сказать, что Геродот совсем не пользовался трудами более ранних авторов, — значило бы впасть в явное преувеличение. Например, труд Гекатея Милетского он прекрасно знал. И вовсе не скрывал этого знания, ссылаясь на Гекатея, где требовалось. Есть у Геродота и другие ссылки на письменные тексты. Однако подсчитано: их в пять раз меньше, чем ссылок на лиц, информировавших автора изустно⁷¹. И уже сам этот факт, наверное, о чем-то говорит, отражает реальное происхождение полученных им данных. Вряд ли мы имеем право предположить, что Геродот сознательно старался преуменьшить свою опору на письменную традицию: зачем бы ему это было делать?

Как соотносится в античной Греции возникновение историописания и появление других видов текстов? Здесь мы сталкиваемся с очередным парадоксом. Дело в том, что историография — довольно-таки поздний плод интеллектуальной жизни греков и их словесности. На тот момент, когда «вышли на сцену» первые историки, в эллинском мире уже весьма развитую форму имела поэзия — во всех своих родах и жанрах (эпос героический и дидактический; лирика элегическая, ямбическая и мелическая; ранние формы драмы)⁷². Раньше исторической прозы возникает проза

⁷⁰ Подробнее см.: Суриков И.Е. Очерки об историописании. С. 92 и сл.

⁷¹ Balcer J.M. Herodotus. P. 26.

⁷² Основатель трагедии Феспид действовал при Писистрате, во второй четверти VI в. до н.э.

философская и естественнонаучная (начиная с Анаксимандра⁷³), а также мифографическая (Ферекид Сиросский, Эпименид Критский и др.⁷⁴); позже нее — пожалуй, только ораторская⁷⁵.

Крайне контрастно выглядит в данном отношении большинство остальных школ историописания. В Риме фасты и анналы — эти первые памятники тамошней исторической мысли — возникают раньше, чем какие-либо иные литературные тексты⁷⁶. Древняя Русь следует аналогичной парадигме: здесь летописи — в числе самых первых памятников словесности. Да и раннесредневековой Западной Европе не иначе: историографическая традиция зарождается практически сразу⁷⁷.

В чём же в данном случае пресловутая «загадка греков»? Думается, перед нами — частный случай парадокса более общего характера, заключающегося в том, что греки, народ с, если так можно выразиться, «аисторическим» сознанием⁷⁸, без обостренного чувства времени, тем не менее явились первооткрывателями (в мировом масштабе!) исторической науки. Похоже, что они обратились

⁷³ О роли Анаксимандра как фактического основоположника античной философии и науки см.: *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 566 и сл.; *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позднего периода творчества. М., 1991. С. 28 и сл.

⁷⁴ Ср. наше замечание в более ранней работе: «...Пророк, поэт, мифограф — вот кого мог числить среди своих предшественников древнегреческий историк» (*Суриков И.Е.* Очерки об историописании. С. 23).

⁷⁵ Первыми из мастеров ораторского искусства начали записывать свои речи (что положило начало риторике) софисты Горгий и Антифон. В связи с вкладом Горгия см.: *Romilly J. de.* Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambridge (Mass.), 1975. P. 1–22; *Wardy R.* Rhetoric // *Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge.* L., 2000. P. 465–485. Деятельность Антифона исчерпывающим образом описана в: *Gagarin M.* Antiphon the Athenian.

⁷⁶ Анналы уже в IV в. до н.э. выставлялись на Форуме (*Бокицанин А.Г.* Источниковедение истории Древнего Рима. М., 1981. С. 23). Первые латинские стихотворные произведения были написаны греком Ливием Андроником во второй половине III в. до н.э.

⁷⁷ *Сидоров А.И.* «Черная кошка в темной комнате»: формирование традиции историописания в раннесредневековой Европе // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011. С. 37–64.

⁷⁸ Об этом писалось нередко и немало. См., например: *Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 214 (с некоторыми оговорками); *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 19 и сл.; *Бычков В.В.* Эстетика поздней античности (II–III века). М., 1981. С. 22–23 (с литературой по проблеме); *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки. С. 36 и сл.; *Суриков И.Е.* Очерки об историописании. С. 12. Возражения см.: *Шичалин Ю.А.* Античность — Европа — история. М., 1999. С. 137 и сл.

к изучению истории уже тогда, когда едва ли весь круг остальных возможных предметов исследования был уже ими «испробован». Но ведь грекам хотелось во всём дойти, как выразился Пастернак, «до самой сути»! Добросовестность, стремление исчерпать любую проблему — вот этого было у них не отнять. И обуславливалось такое положение, конечно, подчеркнуто агональным характером социума. Чтобы преуспеть, а не стать аутсайдером, нужно было обязательно *доказывать* каждую свою мысль, а не просто декларировать ее.

Наконец, финальные вопросы: может ли появление такого феномена, как историописание, рассматриваться как знак определенного уровня развития политического образования? Насколько обязательно возникновение историописания в обществе определенного уровня сложности?

Насколько понимаем, единого ответа на столь сложный и многогранный вопрос в принципе не существует. Судя по всему, в реально существовавших человеческих социумах в данном отношении всё было очень и очень по-разному. Греческий материал показывает только одно: что в *данном конкретно взятом* обществе историописание действительно зародилось на достаточно высоком уровне развития. В первую очередь, на наш взгляд, следует учитывать уровень развития *рефлексии*. Маленький пример: вошедший в современную интернациональную лексику термин «демократия» — древнегреческого происхождения, а это, безусловно, означает, что и сам денотируемый феномен впервые открыт греками. Точно так же вошедший в современную интернациональную лексику термин «монархия» — тоже греческого происхождения, но это отнюдь не означает, что денотируемый феномен был открыт греками. Это означает только, что греки впервые сделали его предметом теоретической рефлексии, поставили монархию в ряд прочих типов государственных устройств. На Древнем Востоке, где монархия, собственно, возникла, в связи с ней не возникало каких-то специальных размышлений; она воспринималась как нечто естественное, само собою разумеющееся, богами данное и едва ли не единственно возможное. У греков же, в связи с появлением в их цивилизации полисов, которым имманентно было присуще республиканское устройство, появилась возможность сопоставлять, систематизировать, классифицировать. Первую такую классификацию (монархия, олигархия, демократия) встречаем как раз у Геродота; в сущности, последующие поколения мыслителей ничего принципиально нового к ней не прибавили, а лишь уточняли и детализировали. Так, наиболее знаменитая в античности шестич-

ленная классификация (Аристотель, Полибий) напрямую восходит к трехчленной геродотовской.

Точно так же и история впервые у греков становится предметом осмысленной рефлексии. Потому-то историописание и возникает у них сразу как наука, как исследование, а не как тривиальное описание событий. И, безусловно, по той же самой причине эллинская историография, едва родившись, практически сразу достигает колоссальных высот. Что ни говорить, Геродот и Фукидид — это такой уровень, с которым мало что из исторических трудов последующих эпох (вплоть до XVIII–XIX вв.) можно сопоставить.

Другое дело, что само развитие рефлексии у греков, о котором идет речь и которое обусловило возникновение исторической мысли (а также философской, научной, эстетической и т.д.)⁷⁹, само обуславливалось, в числе прочих факторов, и политическим развитием. Древнегреческие полисы — при своих небольших размерах — были политическими единицами весьма развитыми и сложными, а по меркам древнего мира — просто беспрецедентно развитыми и сложными.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Бобкова М.С.* «Мы сами — время»: прошлое и настоящее в историческом сознании эпохи Средневековья // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005.
- Бокщанин А.Г.* Источниковедение истории Древнего Рима. М., 1981.
- Бычков В.В.* Эстетика поздней античности (II–III века). М., 1981.
- Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
- Илюшечкин В.Н.* Эллинистические историки // Эллинизм: восток и запад. М., 1992.
- Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993.
- Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Кузнецова Т.И., Миллер Т.А.* Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий. М., 1984.
- Махлаюк А.В., Суриков И.Е.* Античная историческая мысль и историография. М., 2008.

⁷⁹ В результате греческой «интеллектуальной революции» возникает такой взгляд на мир, как рефлексивный традиционализм, продержавшийся в Европе вплоть до XVIII в. См.: *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки. С. 107 и сл.

- Перевалов С.М.* Древнейшее упоминание имени «Кавказ» в античной литературе // *Gaudeamus igitur*: Сб. ст. к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983.
- Сидоров А.И.* «Черная кошка в темной комнате»: формирование традиции историописания в раннесредневековой Европе // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011.
- Строжецкий В.М.* Проблемы становления истории как науки в античности // Античный мир и археология. Саратов, 2006. Вып. 12.
- Строжецкий В.М.* Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Н. Новгород, 2010. Ч. 1: Геродот.
- Суриков И.Е.* Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // ВЕДС-ХVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006.
- Суриков И.Е.* ЛОГОГРАФΟΙ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. № 2.
- Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009.
- Суриков И.Е.* Историк в изменяющемся мире: эволюция образа Коринфа в труде Геродота // ВДИ. 2009. № 1.
- Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010.
- Суриков И.Е.* Геродот и Филаиды // Аристей. М., 2011. Т. 3.
- Суриков И.Е.* К проблеме формирования греческого полиса: Афины в VIII–VII вв. до н.э. // ВЕДС-XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011.
- Суриков И.Е.* Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011.
- Суриков И.Е.* Сократ. М., 2011.
- Фролов Э.Д.* Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1981.
- Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позднего периода творчества. М., 1991.
- Шичалин Ю.А.* Ἐπιστροφή, или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. М., 1994.
- Шичалин Ю.А.* Античность — Европа — история. М., 1999.
- Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э. Эпос, элегия, ямбы, мелика / Изд. подгот. М.Л. Гаспаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. М., 1999.
- Armayer O.K.* Herodotus, Hecataeus and The Persian Wars // *The World of Herodotus*. Nicosia, 2004.
- Asheri D., Lloyd A., Corcella A.* A Commentary on Herodotus Books I–IV. Oxford, 2007.
- Baragwanath E.* Motivation and Narrative in Herodotus. Oxford, 2008.

- Bakker M. de.* Speech and Authority in Herodotus' *Histories*: Diss. Amsterdam, 2007.
- Balcer J.M.* Herodotus & Bisitun. Stuttgart, 1987.
- Bertelli L.* Hecataeus: From Genealogy to Historiography // The Historian's Craft in the Age of Herodotus. Oxford, 2007.
- Bichler R.* Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte. 2. Aufl. B., 2001.
- Bichler R.* Herodotus' Ethnography. Examples and Principles // The World of Herodotus. Nicosia, 2004.
- Bichler R., Rollinger R.* Herodot. Hildesheim, 2000.
- Boedeker D.* Heroic Historiography: Simonides and Herodotus on Plataea // The New Simonides: Contexts of Praise and Desire. Oxford, 2001.
- Boedeker D.* Epic Heritage and Mythical Patterns in Herodotus // Brill's Companion to Herodotus. Leiden; Boston; Köln, 2002.
- Boedeker D.* The View from Eleusis: Demeter in the Persian Wars // Cultural Responses to the Persian Wars: Antiquity to the Third Millennium. Oxford, 2007.
- Boegehold A.L. et al.* The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia. Princeton, 1995. (The Athenian Agora; Vol. 27).
- Bradeen D.* The Fifth-Century Archon List // *Hesperia*. 1964. Vol. 32, N 2.
- Braun T.* Hecataeus' Knowledge of the Western Mediterranean // Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton. Leiden; Boston, 2004.
- Bringmann K.* Herodot und Thukydides: Geschichte und Geschichtsschreibung im 5. Jahrhundert v.Chr. // *Historie und Leben: Der Historiker als Wissenschaftler und Zeitgenosse*. Festschrift für L. Gall zum 70. Geburtstag. München, 2006.
- Cohen A.* Mythic Landscapes of Greece // *The Cambridge Companion to Greek Mythology*. Cambridge, 2007.
- Cole S.G.* Landscapes of Dionysos and Elysian Fields // *Greek Mysteries: The Archaeology and Ritual of Ancient Greek Secret Cults*. L.; N.Y., 2003.
- Cole S.G.* Landscapes, Gender, and Ritual Space: The Ancient Greek Experience. Berkeley, 2004.
- Cook J.M.* The Greeks in Ionia and the East. L., 1962.
- Corcella A.* The New Genre and its Boundaries: Poets and Logographers // *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 2006.
- Foxhall L.* Environments and Landscapes of Greek Culture // *A Companion to the Classical Greek World*. Oxford, 2006.
- Gagarin M.* Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002.
- Gray V.* Herodotus and the Rhetoric of Otherness // *American Journal of Philology*. 1995. Vol. 116, N 2.
- Greenwood E.* Making Words Count: Freedom of Speech and Narrative in Thucydides // *Free Speech in Classical Antiquity*. Leiden; Boston, 2004.

- Hart J.* Herodotus and Greek History. L., 1982.
- Heidel W.A.* Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II. N.Y.; L., 1987.
- Hunter V.* Past and Process in Herodotus and Thucydides. Princeton, 1982.
- Jacoby F.* Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Leiden, 1956.
- Lendle O.* Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt, 1992.
- Marincola J.* Speeches in Classical Historiography // A Companion to Greek and Roman Historiography. Oxford, 2007. Vol. 1.
- Mehl A.* Herodotus and Xanthus of Sardis Compared // The World of Herodotus. Nicosia, 2004.
- Mehl A.* Veränderte und gestaltete Landschaft im antiken Götter- und Totenkult // Die Landschaft und die Religion. Stuttgart, 2009.
- Mikalson J.D.* Herodotus and Religion in the Persian Wars. Chapel Hill; L., 2003.
- Moles J.* Narrative and Speech Problems in Thucydides Book I // Ancient Historiography and its Contexts: Studies in Honour of A.J. Woodman. Oxford, 2010.
- Momigliano A.* Studies in Historiography. N.Y., 1966.
- Momigliano A.* Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977.
- Momigliano A.* The Historians of the Classical World and their Audiences: Some Suggestions // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia. 1987. Vol. 8.
- Momigliano A.* The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley, 1990.
- Morrison J.V.* Interaction of Speech and Narrative in Thucydides // Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006.
- Morrison J.V.* Reading Thucydides. Columbus, 2006.
- Munson R.V.* Telling Wonders: Ethnographic and Political Discourse in the Work of Herodotus. Ann Arbor, 2001.
- Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989.
- Pelling C.* Speech and Narrative in the *Histories* // The Cambridge Companion to Herodotus. Cambridge, 2006.
- Pelling C.* Herodotus and Samos // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2011. Vol. 54, N 1.
- Polignac F. de.* Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago, 1995.
- Rogkotsis Z.* Thucydides and Herodotus: Aspects of their Intertextual Relationship // Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006.
- Romilly J. de.* Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambridge (Mass.), 1975.
- Ruschenbusch E.* Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen // Klio. 2002. Bd. 82.

- Scott L.* Historical Commentary on Herodotus Book 6. Leiden; Boston, 2005.
- Sealey R.* Thucydides, Herodotos, and the Causes of War // *Classical Quarterly*. 1957. Vol. 7, N 1/2.
- Seidensticker B.* Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 1995.
- Thomas R.* Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Cambridge, 2000.
- Toyl D.L.* Dionysius of Halicarnassus on the First Greek Historians // *American Journal of Philology*. 1995. Vol. 116, N 2.
- Vandiver E.* Heroes in Herodotus: The Interaction of Myth and History. Frankfurt a.M., 1991.
- Vannicelli P.* To Each His Own: Simonides and Herodotus on Thermopylae // *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Oxford, 2007. Vol. 2.
- Wardy R.* Rhetoric // *Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge*. L., 2000.
- Węcowski M.* Friends or Foes? Herodotus in Thucydides' Preface // *The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres*. Newcastle upon Tyne, 2008.
- West S.* Herodotus' Portrait of Hecataeus // *Journal of Hellenic Studies*. 1991. Vol. 111.

Igor E. Surikov

“IN THE FIRST CIRCLE”: THE EMERGENCE
OF THE MOST ANCIENT PIECES
OF EUROPEAN HISTORIOGRAPHY
(GREECE, THE SIXTH–FIFTH CENTURIES B.C.)

Historical consciousness of Ancient Greeks was characterized by cyclism — the view of history's movement “by cycle”, of “eternal return”. Surely, this thesis is not absolute: a cyclist understanding of the society's development was coped and interconnected with a linear one, which manifested itself in progressist or (more often) regressist conceptions. To be strict, historiography as such emerges in Hellas in some sense at the joint of cyclist and linear views.

The article deals with the Archaic Ionian historiographical tradition that included the group of historians usually labeled in modern scholarly literature as “logographers” as well as Herodotus. Besides, it is time to give up the custom of calling the most ancient (pre-Herodotean) Hellenic historians “logographers”, as is it inadequate and unfounded.

Herodotus and his predecessors still belong to the “pre-rhetorical” historiography. But the Greek historian immediately following them, Thucydides, was already under strong influence of rhetoric.

Already at the very dawn of Ancient Greek historiography one meets diversity of its genres and styles. We see both rather dried-up lists (as a rule, of genealogical character) and early-emerging large-scale narratives (from Hecataeus on), even with excurses of quite a novelistic character. But all such texts have a manifest imprint of research, investigation.

For the first time in the Greek world history becomes a subject of intelligent reflection. Historiography appears among the Greeks from the beginning as an investigation rather than trivial description of events. And, of course, because of the very same reason Hellenic historiography immediately after its birth reaches colossal heights. As to the development of reflection among the Greeks, which we have noted and which conditioned the emergence of historical thought (as well as philosophical, scientific, aesthetic thought, etc.), it was conditioned, in its turn, among other factors, by political evolution and by the emergence of the *polis* phenomenon. Greek *poleis* were — there small size notwithstanding — political units strikingly developed and complicated, by the standards of the Ancient World.

Key words: historiography, classical antiquity, Archaic and Early Classical Greece, *polis*, “logographers”, Herodotus, Thucydides